

Н.Б. Виноградов

Челябинский государственный педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХРОНОЛОГИИ «АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ». РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНЦЕПЦИИ С.А. ГРИГОРЬЕВА

Статья посвящена критике концепции происхождения и хронологии алакульской культуры, предложенной С.А. Григорьевым. Автор подвергает сомнению точку зрения С.А. Григорьева о датировке алакульских памятников Зауралья в пределах двух разорванных во времени интервалов и о прямой генетической связи алакульского населения и обитателей памятников синташтинского типа.

Ключевые слова: лесостепное Зауралье, поздний бронзовый век, алакульская культура, памятники синташтинского типа, памятники петровского типа.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-054-059

С.А. Григорьев хорошо известен научной общественности своими трудами по истории древнего металлопроизводства [Григорьев, 1994], промежуточным результатам изучения комплекса археологических памятников на о-ве Веры (на оз. Тургояк у г. Миасса), а также известного геоглифа у горного озера Зюраткуль на Южном Урале. Большой резонанс и дискуссию вызвала в научных кругах выдвинутая этим исследователем концепция происхождения населения, оставившего в области зауральского пенеппена памятники синташтинского типа [Григорьев, 1996].

Обсуждаемая сегодня статья С.А. Григорьева [2016] содержит авторские представления о хронологии и происхождении «алакульской культуры Зауралья». Обсуждение всех затронутых С.А. Григорьевым аспектов культурогенеза и хронологии алакульской культуры лесостепного Зауралья потребовало бы несравненно большего объема, чем допускает жанр публикации журнала. Поэтому автор заранее просит извинения за краткость изложения некоторых тезисов.

Трудами нескольких поколений археологов XX в. представления об алакульских древностях, их происхождении, содержании прошли сложный путь от стадии в истории андроновской культуры в Южном Зауралье (по К.В. Сальникову) до позиционирования алакульских памятников в статусе отдельной культуры (по В.С. Стоколосу) и, наконец, в качестве общности [Корочкова, 2004]. Заметным событием в истории изучения алакульских древностей стало открытие Г.Б. Здановичем памятников петровского типа в Северном Казахстане и их определение как раннеалакульских. За последние десятилетия XX в. в научный оборот были введены значительные массивы алакульских и связанных с ними материалов (раскопки Е.Е. Кузьминой, Т.М. Потемкиной, Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова, В.В. Евдокимова, В.В. Варфоломеева, А.А. Ткачева, В.В. Ткачева, В.И. Стефанова, О.Н. Корочкиной, А.В. Матвеева, Д.Г. Здановича, Е.В. Куприяновой и др.).

Обсуждаемая статья С.А. Григорьева включает парадоксально небольшой по объему, в сравнении с затронутыми проблемами, текст и четыре иллюстрации. Многократное прочтение текста и просмотр рисунков не прояснили поставленные в статье проблемы, а лишь добавили вопросов.

Во-первых, это проблема дефиниций. Что понимает С.А. Григорьев под термином «алакульская культура», если еще в начале 2000-х гг. О.Н. Корочкова выступила с предложением рассматривать сообщество алакульских культур на всей огромной территории их распространения в ранге культурно-исторической общности [2004, с. 208]?

При всей кажущейся изученности алакульских и синхронных с ними родственных древностей в лесостепях и степях Южного Зауралья, лесостепях Зауралья, степях Северного и Цен-

О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья»...

трального Казахстана, даже очертания отдельных алакульских или крайне близких им культур пока лишь намечены пунктиром.

На мой взгляд, сегодня крайне необходимо отдельное исследование по систематизации критериев обособления алакульских памятников в родственные культуры по территориям. Причем это должна быть система сравнимых признаков с *серийным* (курсив мой. — Н. В.) их присутствием, исключая даже малую возможность любых обобщений на основе наличия в коллекции из раскопанного отдельного конкретного памятника *единичного* сосуда, определяемого как «полтавкинский» или «катакомбный».

Проблема культурогенеза, хронологической позиции конкретной алакульской культуры должна решаться, по моему мнению, на основе детального изучения всей совокупности относящихся к этой культуре артефактов и с применением всех доступных сегодня методов. То есть, при всей соблазнительности ограничиться аналитической выводной частью, необходимость исследования каждой из алакульских культур на инструментальном, источниковедческом уровне не отменяется.

Во-вторых, это проблема датирования, хронологии и стратиграфической колонки свиты культурных явлений рубежа среднего и позднего бронзового века и следующей за ним стадии позднего бронзового века. В нашем случае это памятники синташтинского типа и памятники алакульских культур Южного Урала и Казахстана, включая ранний (петровский) этап их истории.

К настоящему времени радиоуглеродным методом датирования убедительно доказано хронологическое предшествование синташтинских памятников любым алакульским, включая петровские с некоторым периодом их сосуществования [Епимахов, 2010, с. 162].

Результаты радиоуглеродного датирования Чистобеляжского и Хрипуновского могильников, разделившие историю алакульского населения Зауралья по С.А. Григорьеву на два разорванных во времени эпизода, с момента их обнаружения настораживали археологов, поскольку противоречили другим линиям радиоуглеродного датирования [Епимахов, 2010, с. 79–80]. Кроме того, ни закрытые комплексы погребальных памятников, ни взаимовстречаемость типов керамики в них, ни стратиграфия масштабно и спокойно изученных поселений не дают повода для тезиса С.А. Григорьева о предшествовании алакульских памятников с керамикой с уступчатым плечом и двух-трехзонально распределенной орнаментацией петровским. Он основан на единственном и небесспорном случае «обратной» стратиграфии, зафиксированном Т.М. Потемкиной в Среднем Притоболье [Потемкина, 1985, с. 268–269]. Кстати, сам С.А. Григорьев в недавнем прошлом весьма скептически оценивал этот стратиграфический факт [2000, с. 288].

Напротив, материалы стратиграфических наблюдений на масштабно исследованных поселениях, факты взаимовстречаемости типов сосудов в закрытых комплексах, которыми специалисты обладают сегодня, не позволяют ни синхронизировать синташтинские и собственно алакульские (с керамикой с уступчатым плечом и двух-трехзонально распределенной орнаментацией) памятники, ни хотя бы сомкнуть их во времени.

В-третьих, С.А. Григорьев, утверждая о формировании «алакульской культуры» в лесостепях Зауралья на основе лишь населения, оставившего южнее, в степях Южного Зауралья, синташтинские памятники, упускает два момента.

Во-первых, количество синташтинских памятников в Южном Зауралье несоразмерно, я бы сказал, ничтожно мало в сравнении с алакульскими, включая и петровские (раннеалакульские).

Во-вторых, обитатели памятников синташтинского типа (23 укрепленных поселения и несколько невыразительных и не понятых до конца местонахождений) в хозяйственно-экономическом, социально-политическом и культурном, наконец, аспектах представляют, на мой взгляд, не правило, а исключение для модели функционирования степных евразийских скотоводческих обществ бронзового века, поскольку значительная часть их жизни была замкнута на металлопроизводство с вытекающими из этого обстоятельства разнообразными последствиями, делающих их не стандартным, но уникальным явлением бронзового века Евразии, да и «привязана» не к определенному ландшафту, а к месторождениям медьсодержащих минералов или неким коммуникациям (курсив мой. — Н. В.).

Синташтинское население, вместе с тем, выступило как источник мощного культурогенетического импульса в среду местных аборигенных квазиэнеолитических или «раннебронзовых» культур. В значительной степени именно этот импульс определил облик скотоводческих культур позднего бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья и Казахстана и локальные отличия их материального мира.

В течение нескольких десятков лет мои научные интересы так или иначе были связаны с памятниками алакульских культур Южного Зауралья и Северного Казахстана, особенно ранней (петровской) стадии их истории.

Систематическое изучение петровских и собственно алакульских материалов из памятников Северного Казахстана, масштабные исследования поселений Кулевчи III (3000 м²) и Устье I (3000 м²) в степях Южного Зауралья, десятилетняя (1983–1993 г.) работа с материалами памятников бронзового века лесостепного Притоболья в ходе создания «Археологической карты Курганской области» привели меня к созданию той стратиграфической колонки культур бронзового века в Северном Казахстане, Среднем Притоболье и Южном Зауралье, которая отражена в трех монографиях и серии статей, частью проигнорированных С.А. Григорьевым.

С.А. Григорьев совершенно справедливо высказывает мнение о наличии проблемы с определением содержания керамического комплекса памятников петровского типа. Дело в том, что в Северном Казахстане нет ни одного петровского укрепленного поселения с «синташтоидной» керамикой типа могильника у с. Петровка [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980], которая первоначально была представлена научному сообществу как петровская. Напротив, в котлованах, замкнутых оборонительными укреплениями построек укрепленного поселения Петровка II, залегает в основном керамика баночных (корчаги), более поздних собственно алакульских форм с небольшим количеством острореберных горшечно-баночных сосудов с утолщением под венчиком. И вряд ли это обстоятельство возможно объяснить вторичным использованием площадки.

Все перечисленное выше и вызвало к жизни критикуемый С.А. Григорьевым мой взгляд на петровские памятники в целом и на их керамический комплекс в частности [Виноградов, 2009, с. 22–45]. Поскольку в свете данных, полученных за последние десятилетия, представление о содержании памятников петровского типа как Северного Казахстана, так и Южного Зауралья непременно должно было трансформироваться. Что и произошло. Я полагаю, что к этому вопросу необходимо в будущем вернуться отдельно и масштабно, поскольку и в Среднем Притоболье, и в Северном Казахстане керамические комплексы укрепленных поселений (Камышное II, Петровка II), по моему мнению, свидетельствуют об их более поздней хронологической позиции в сравнении с синташтинскими укрепленными поселениями Южного Зауралья.

Попытка размыть критерии выделения мной петровских типов керамики в Южном Зауралье и Северном Казахстане, предпринятая С.А. Григорьевым, несостоятельна. Авторская типология керамики памятников петровского типа и алакульской керамики в Южном Зауралье и Северном Казахстане была создана мной еще в начале 1980-х гг. [Виноградов, 1983]. Относительно недавно, в связи с новыми серийными материалами по проблеме, мной была написана отдельная статья [Виноградов, 2009, с. 22–45]. С.А. Григорьев же пишет: «...четких формулировок для него («кулевчинского» типа петровской керамики. — Н. В.) не существует. В результате Н.Б. Виноградов фактически отказался от выделения этого типа, полагая, что им описывается практически вся петровская керамика» [2016, с. 44]. Я никогда не считал, что петровская (раннеалакульская) керамика ограничивается лишь приземистыми горшечно-баночными сосудами с высоко поднятым ребром, утолщением-валиком под венчиком и двух-трехзональной орнаментацией, сформованными на сосудах-основах с прокладкой из влажного текстиля. Это бесспорно ведущий тип петровской керамики. Но ни на одном петровском памятнике он не является единственным. Как правило, сосуды этого типа залегают в слое с острореберными горшечно-баночными сосудами с усеченно-коническим или слабо выпуклым туловом, прямой или отогнутой наружу, иногда «сдвоенной» шейкой или биконическими формами [Виноградов, 2011, с. 107]. Но именно процентное содержание ведущего типа в коллекции, как справедливо заметил А.В. Матвеев, маркирует хронологическую позицию того или иного петровского памятника внутри самого раннеалакульского (петровского) сообщества [Матвеев, 1998, с. 282–283].

Что касается кажущегося отсутствия ведущего типа петровской керамики в лесостепном Зауралье, так это скорее следствие слабой исследованности региона. Даже разведочными работами экспедиции ЧГПИ в Курганской области в 1980-х гг. была выявлена серия как поселенческих (вероятно, однослойное петровское поселение Кузнецово II на р. Миасс в Щучанском районе), так и погребальных (могильник Грызаново в Куртамышском районе и могильник Подуровка IV в Целинном районе) комплексов [Археологическая карта Курганской области, 1993, с. 138–139, 201–202, 279–280].

«Алакульская культура в лесостепном Зауралье имеет больше сопоставимых черт с синташтинской, чем с петровской культурой», — этот пассаж С.А. Григорьева выглядит интригую-

О происхождении и хронологии «алакульской культуры Зауралья»...

ще, поскольку игнорируются стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе масштабного изучения поселений Кулевчи III и Устье I в Южном Зауралье. В первом случае петровский слой перекрыт именно алакульским, а во втором — синташтинский петровским. Именно в петровской (раннеалакульской) среде наблюдаем практически весь комплекс алакульских признаков. Синташтинские реминисценции крайне редки и неоднозначны уже для петровской (раннеалакульской) керамики.

Мне уже приходилось высказываться по поводу выделения особой «петровской культуры» или особой, помимо петровской, «раннеалакульской» стадии истории собственно алакульских культур. Любой исследователь, решившийся на этот шаг, неизбежно сталкивается с необходимостью прописать для выделенной культуры отдельный вариант культурогенеза, а также дать характеристики ранней, развитой и поздней фаз истории этой культуры. Коллеги знакомы с несколькими подобными попытками. Первооткрыватель петровских древностей, Г.Б. Зданович, явно испытывал большие сложности с определением черт выделенной им «петровской культуры» для раннего этапа ее истории в Северном Казахстане [Зданович, 1983]. Что не удивительно, поскольку поселенческие памятники с «ранней» петровской, по Г.Б. Здановичу, керамикой в этом регионе, как и в Среднем Притоболье, неизвестны до сих пор.

Попытки конструирования особой «петровской культуры» или «раннеалакульской» стадии истории алакульских культур, помимо петровской, с одной стороны, девальвируют системные знания алакульских древностей, накопленные предшествующими поколениями исследователей, с другой — окончательно запутывают коллег по обозначенным проблемам.

Более логичным для меня является представление о памятниках петровского типа в Южном Зауралье, Среднем Притоболье и Северном Казахстане как о раннем этапе истории алакульских культур этих регионов. Причем имеющиеся в распоряжении специалистов материалы не позволяют говорить о миграциях извне больших групп скотоводческого населения. В качестве основных компонентов формирования алакульских культур в обсуждаемых регионах логичнее рассматривать различные аборигенные субстраты. Оппоненты могут возразить мне, основываясь на небольших сериях радиоуглеродных дат. Они пока что свидетельствуют о хронологическом разрыве в несколько веков между аборигенными квазиэнеолитическими, раннебронзовыми культурами и памятниками синташтинского типа. Я, вслед за В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой, полагаю, что представление это ошибочно и носители аборигенных позднейших энеолитических культур и обитатели синташтинских укрепленных поселений общались «вживую». Формирование культур алакульского круга позднего бронзового века связано с глубокими и разносторонними трансформациями энеолитических культурных традиций под мощным влиянием синташтинского культурогенетического импульса. В этом случае установление культурной преемственности традиционными методами серьезно затрудняется. Да и сами памятники аборигенного в этих регионах энеолитического населения изучены неравномерно.

Несходство между аборигенными культурами позднейшего энеолита и памятниками синташтинского типа очевидно по всем линиям сравнения. И, тем не менее, я осмелюсь сказать, что именно взаимосвязи этих несходных явлений определили облик основных степных культур позднего бронзового века Южного Урала. На чем основана эта уверенность? Я полагаю, что укрепленные поселения синташтинского типа населяли общины специализированные — металлурги, кузнецы, литейщики. Причем полностью они были населены лишь часть года. Все остальное время их население было немногочисленным, что и сказалось на масштабах погребальных памятников, относящихся к этим поселениям. Синташтинские поселения были, как я думаю, местами, где происходили периодические встречи их обитателей с представителями аборигенных культур, прежде всего по поводу металла, обладание которым для аборигенов, очевидно, было престижным. Иначе как объяснить то, что более позднее хронологически формирующееся население алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана восприняло как престижные ориентиры синташтинскую традицию строительства укрепленных поселений, модель пространства для жизни, включая архитектурный стиль, оформление интерьера, гончарную традицию, особенности металлообработки, концепцию погребальных памятников и особенности их функционирования. Причем важно и то, что уже культура раннего — петровского этапа истории алакульских культур демонстрирует такую степень каноничности, которую могло обеспечить лишь ранее культурно родственное население, каковым и были носители квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана. К сожалению,

культурогенетические процессы, особенно связанные с кардинальной трансформацией материального мира, археологические методики улавливают лишь в малой степени.

В качестве заключения

Проблемы культурогенеза и хронологии алакульских древностей Зауралья, поднятые С.А. Григорьевым в обсуждаемой статье, действительно существуют и требуют разрешения. Однако избранный С.А. Григорьевым путь их разрешения вряд ли можно считать удачным и тем более «истинным». Скорее авторские заключения можно определить как поспешные. Я говорю это с полной ответственностью, поскольку представляю степень даже не изученности, а учета алакульских памятников в лесостепях Зауралья. Как я полагаю, сейчас мы находимся лишь на дальних подступах к решению обозначенных проблем и любые категоричные выводы преждевременны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 22 с.

Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: Производственная группа по охране и использованию памятников, 1993. Т. 1. 346 с.

Виноградов Н.Б. Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. и сост. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. 217 с.

Григорьев С.А. Древняя металлургия Южного Урала: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 20 с.

Григорьев С.А. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н.э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 78–96.

Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала: (Экономический и социальные аспекты): Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 394 с.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183–193.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 48–68.

Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии: (К 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост. В.И. Гуляев и С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 202–211.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

N.B. Vinogradov

Chelyabinsk State Pedagogical University
Lenina prospect, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

CHRONOLOGY AND ORIGIN OF «THE ALAKUL CULTURE» IN THE TRANS-URALS. REFLECTIONS ON THE STANISLAV A. GRIGORIEV CONCEPT

The paper is devoted to criticism of the concept of Alakul culture origin and history proposed by Stanislav Grigoriev. The author casts doubt on Stanislav Grigoriev opinion about the dating Alakul sites in the Trans-Urals within two separate time periods and about a direct genetic link of Alakul population and inhabitants of Sintashta sites.

Key words: the forest-steppe Trans-Urals, the Late Bronze age, the Alakul culture, the Sintashta sites, the Petrovka sites.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-054-059

REFERENCES

- Vinogradov N.B., 1993. *Arkheologicheskaja karta Kurganskoj oblasti* [Archaeological map of the Kurgan region], vol. 1, Kurgan: Proizvodstvennaia gruppa po okhrane i ispol'zovaniiu pamiatnikov, 346 p.
- Vinogradov N.B., 1983. *Luzhnoe Zaural'e i Severnyi Kazakhstan v rannealakul'skii period (po pamiatnikam petrovskogo tipa)* [Southern Trans-Urals and North Kazakhstan in Early-Alakul period (the monuments of Petrovka type)]. Avtoreferat disertacii kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 22 p.
- Vinogradov N.B., 2009. Keramika pamiatnikov petrovskogo tipa v luzhnom Zaural'e i Severnom Kazakhstane [Pottery of the Petrovka sites in the Southern Trans-Urals and North Kazakhstan]. *Problemy arkheologicheskogo izucheniia luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: ABRIS, 217 p.
- Grigor'ev S.A., 1994. *Drevniaia metallurgija luzhnogo Urala*: [Ancient metallurgy of the Southern Urals: The author's abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Avtoreferat disertacii kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 20 p.
- Grigor'ev S.A., 1996. Sintashta i ariiskie migratsii vo II tys. do n.e. [Sintashta and Aryan migration in II thousand BC]. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Rifei, pp. 78–96.
- Grigor'ev S.A., 2000. Bronzovyi vek [The Bronze age]. *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia*, vol. 1: Kamennyi vek. Epokha bronzy, Cheliabinsk: IuUrGU, 532 p.
- Grigor'ev S.A., 2016. Problema khronologii i proiskhozhdeniia alakul'skoj kul'tury v luzhnom Zaural'e [Problem of chronology and origin of Alakul culture in the light of new excavation in the Southern Trans-Ural]. *Vestnik arkheologii, antropologii i étnografii*, no. 3 (34), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 44–53.
- Epimakhov A.V., 2010. *Bronzovyi vek luzhnogo Urala: (Ekonomicheskii i sotsial'nye aspekty)* [Bronze Age of the Southern Urals: (Economic and social aspects)]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk, Ekaterinburg, 394 p.
- Zdanovich G.B., Zdanovich S.Ia., 1980. Mogil'nik epokhi bronzy u sela Petrovka [The Bronze Age burial ground near the village of Petrovka]. *Sovetskaja archeologija*, no. 3, pp. 183–193.
- Zdanovich G.B., 1983. Osnovnye kharakteristiki petrovskikh kompleksov Uralo-Kazakhstanskikh stepei: (K voprosu o vydelenii petrovskoi kul'tury) [Main features of Petrovka sites in Ural-Kazakhstan steppes: (The question of the allocation of the Petrovka culture)]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 48–68.
- Korochkova O.N., 2004. K obsuzhdeniiu termina «andronovskaia obshchnost'» [For a discussion of the term «Andronovo community»]. *Problemy pervobytnoi arkheologii Evrazii: (k 75-letiiu A.A. Formozova)*, Moscow: IA RAN, pp. 202–211.
- Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Androns in the Trans-Urals forests], Novosibirsk: Nauka, 417 p.
- Potemkina T.M., 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia* [The Bronze Age in forest-steppe of Tobol river], Moscow: Nauka, 376 p.